

МИФОЛОГИЯ В ДРАМЕ А. БЛОКА "КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ"

И. С. Приходько (Владимир)

К теме города в творчестве А. Блока обращались практически все писавшие о поэте. Проблему литературной традиции в решении этой темы первым поставил Н. П. Анциферов.¹ Наиболее глубоко в отношении к лирике Блока эту проблему исследовала З. Г. Минц, остановив особое внимание на значении Гоголя и Достоевского для оформления блоковского мифа Петербурга². Ею же была отмечена апокалиптичность интерпретации этой темы у Блока в соответствии со сложившейся в русской литературе традицией восприятия Петербурга как места проклятого и обреченного. На Апокалипсис как на один из источников драмы "Король на площади" указала Ш. Шахадат, соотнеся на этом основании драму Блока с ранним драматургическим опытом А. Белого - драмой "Пришедший" (1903).³

Настоящий очерк предлагает специальное исследование мифологии города в драме "Король на площади" во всей доступной автору полноте мотивов и источников, с акцентом на библейско-евангельские тексты, ранее в этой связи не привлекавшиеся. Подобное мифологическое прочтение драмы Блока не является самоцелью, но помогает проникнуть в скрытые, ранее не прочитанные смыслы произведения. Естественно, миф города в "Короле на площади" не может быть абсолютизирован и оторван от основного сюжета мифа, мифологизации персонажей, композиции и т. п. Изолированное его рассмотрение в данной работе допустимо лишь как этап аналитического изучения мифопоэтики драмы в целом.

Город в драме "Король на площади" - не просто место действия или фон, на котором появляются персонажи и происходят события. Гибель города - главная тема здесь. Именно город определяет мифологию драмы, включая древние и более поздние мифологические коннотации. Это город, забывший о своих пророках и поэтах, город нищих и франтов, толпы и маленьких красных слухов, рабочих и заговорщиков, которые призывают жечь и разрушать, которым ничего не жаль (ср. в поэме "Двенадцать": "Ко всему готовы, / Ничего не жаль"); город, где гуляют голод и смерть; город безумных надежд, страха и желания гибели. Здесь все бездомны ("Ни крова, ни семьи. Негде приклонить голову"). Домашние очаги - основа всякой жизни - потухли ("Их семьи растлены. Дома пошатнулись"). Жизнь выхлестнула на площадь. Несмотря на осознание Блоком исчерпанности старых форм жизни ("Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой! Уюта - нет. Покоя - нет", - 3, 95),⁴ в драме звучит ностальгическая тоска по та-

ким мещанским с точки зрения революционного сознания ценностям, как добродетель, благополучие, уют: "И я любил уюты, где пахнет духами, где женщина ставит на стол хлеб и цветы".

Тема бездомности, "потухших очагов", разрушения "утов" и "ухода" в "город", а затем в "беспредельные пространства России", и связанный с этой темой образ "Сына Человеческого", который "не знает, Где приклонить ему главу" (восходящий к Евангелию от Матф. 8, 20), становятся в творчестве Блока 1906 - 1908 гг. устойчивыми и включаются в лирику (3, 242), драму "Лесня Судьбы" и в прозу этих лет ("Безвременье" и др. статьи).

Мотив отворачивания от домашнего очага, гибели самых очагов восходит к Достоевскому, который одним из первых почувствовал кризис "утов" в дворянско-интеллигентской жизни.⁵ Однако он не был одинок в этом чувстве. Еще до него Ап. Григорьев писал о "врожденном во всяком петербургце отворачивании (курсив Ап. Григорьева - И. П.) от домашнего очага".⁶ Притягательными становятся для него городская площадь, улица, трактир, публичный дом и т. п.

Наделяя создаваемую в драме картину чертами реального современного города, Блок придает ему в то же время онтологическое значение. Он создает образ вечного города, включая его в онтологическое пространство своей драмы - пространство с библейским измерением: земля, море, небо (см. стихи, посвященные сотворению мира в кн. Бытия 1, 1-10, а также реминисценции "сотворения" в книгах пророков - 3-я Ездры 16, 56-62; Неемии 9, 6; в Откр. Ин. 10, 6; 14, 7 и др.). Берег и город, расположенный на нем, становятся местом пересечения сил космических и земных.

Согласно библейской традиции, город создан человеком, в отличие от природного мира - земли, моря, неба, света, тьмы, земных тварей и самого человека - творений Господа. Уже поэтому город лишен совершенства, которым обладают создания Бога. Более того, первые города возводили нечестивцы: Каин (Быт. 4, 17); Нимрод (Быт. 10, 12); честолюбивые и дерзкие строители Вавилона с огромной Вавилонской башней - города, который становится во многих книгах Библии, включая Откровение Иоана, символом нечестия: "Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным" (Откр. 17, 5). "В городах окрестности - до Содома" стал жить Лот (в отличие от Авраама, поселившегося "на земле Ханаанской"), испытавший на себе и своих близких губительную силу греха и разврата, царящих в городе (Быт. 13, 12-13).

Итак, над городом изначально тяготеет проклятие. Город - средоточие праздной, мятежной, развратной, потребительской жизни. Нечестие города проявляется также, по Библии, в возведении истуканов, которым поклоняются люди по указу царя (Дан. 3, 1-7; 14, 3-5). Первые заповеди Закона Моисеева предупреждают против этого языческого обычая: "Не делай себе куира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу ... Не поклоняйся им и не служи им ..." (Исх. 20, 2-5; см. также Втор. 5, 6-9; Лев. 26, 1; Пс. 96, 7). Идолопоклонникам Господь грозит гневом своим: "...разорю высоты ваши, и повергну трупы ваши на обломки идолов ваших, ... города ваши сделаю пустынею ..." (Лев. 26, 30-31).

Над городами, дошедшими до крайней степени нравственного падения, не знавшими или забывшими Бога, попирающими заповеди его, виновными в пролитии крови святых и праведников, в преступлении против града Истины - Иерусалима, - Господь вершит свой суд. Картины уничтожения нечестивых городов в книгах пророков Иезекиила, Иеремии, в 3-й кн. Ездры и др. как бы предвзвешают пророчество о конце мира в Евангелии от Марка (13, 8-30) и в Откровении Иоанна.

Апокалиптика драмы Блока "Король на площади" восходит во многом к этим древним и вечным источникам. Блок наделяет создаваемую им в драме картину города библейскими приметами "последних времен": "вдовство, нищета, голод" (3-я кн. Ездры 15, 49), "... города возмутятся, дома будут разорены, на людей нападёт страх ..." (там же 15, 18). В возмущении природных стихий проявляется действие космических сил, готовых обрушить кару Божию на нечестивый город. *Свинцовые тучи, сгущающийся мрак, ветер, зной, пыль, страшные птицы* и другие зловещие лейтмотивы в драме Блока восходят к предвещающим конец мира, гибель города и народа пророчествам Библии: "Вот облака от востока и от севера до юга, - и вид их весьма грозен, исполнен свирепости и бури" (3-я кн. Ездры 15, 34); "... и ветры сильные поднимутся от востока и откроют ... облако, которое Я подвинул во гневе ..." (там же, 15, 39); "... и слава могущества твоего (обращение к Асии, "соучастнице в надежде Вавилона" - там же, 15, 46) засохнет как цвет, когда настанет зной, посланный на тебя" (там же, 15, 50); "И жег людей сильный зной ..." (Откровение. Ин. 16, 8-9); "И поднимется пыль и дым до самого неба ..." (3-я кн. Ездры 15, 44).

Пыль в произведениях Блока - признак мира сего ("страшного мира"), воплощенного в образах города с его зловещими фантомами, грязью, нищетой, развратом. В связи с "уходом" Вл. Соловьева, разрывающим в представлении Блока пределы времени и пространства, поэт говорит, "что можно родиться второй раз и сбросить с себя цепи и пыль ..." (5, 454). Образы клубящейся и вздымающейся пыли являются знаком "последнего конца", апокалипсиса. Пыль завивается в столбы, символизирющие, подобно снежному вихрю в поэме "Двенадцать" и др. произведениях, средоточие нечистой силы⁸. В "Короле на площади" этот образ демонизирован еще и тем, что из пыли рождаются "маленькие красные слухи", взметаемые ветром, проникающие в толпу и как бы увлекающие ее с собою, сея тревогу, страхи, зловещие предчувствия.⁹ Образ нечестивцев, взметаемых ветром подобно праху, также восходит к библейским апокалиптическим пророчествам (Пс. 1, 4). Обновленный через Апокалипсис мир, предвостановленный в финале "Короля на площади", очистится от пыли: "Сойдет небесная гроза и прибьет пыль ...".

Апокалиптическое значение приобретает настойчиво повторяемый в драме мотив *птиц* (на птиц похожи заговорники: Черный, призывавший к мятежу - костлявая птица; и Золотой, слуга Короля - золотая птица; Дочь Зодчего, провидя близящуюся развязку, трагически впадает: "Как черные птицы, в желтой пыли Замыслов новых носятся ключья"; "Слышим крих зловещих птиц?" Ср. со ст. стихом из Откр.: "Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякой нечистой и отвратительной

птице" (18,2). *Буревестники* из Первой картины включаются в этот апокалиптический контекст. В отличие от знаменитого горьковского образа из *"Песни о Буревестнике"* (1901), символизирующего радостное ожидание революции, буревестник Блока - мрачный символ, гламатай конца мира.¹⁰

Наряду с такими напастями на заслуживший кару город, как голод, мор, нашествия вражеского войска, в распоряжении Господа стихийные силы природы - огонь, землетрясение, потоп, - способные стереть с лица земли город беззакония. Так, Содом и Гоморра были сожжены огнем и серой, и место их покрыло Мертвое море. О Вавилоне Бог говорит устами пророка Иеремии: "...и зажгу огонь в городах его - и пожрет все вокруг него" (50, 32). В Вавилоне "Трясется земля и трепещет, ибо исполнятся над Вавилоном намерения Господа сделать землю Вавилонскую пустыней без жителей" (Иер. 51, 29). Седьмая чаща гнева Божия в Откровении Иоанна произвела землетрясение, "какого не было с тех пор, как люди на земле. (...) И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий вспомнят пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его" (16, 18-19). Но самая распространенная кара Божия, которая не только навсегда уничтожает, но смывает и как бы очищает место для новой жизни, - потоп.

Легенды о затопленных землях и городах мироко распространены в мифологии мира. Для Блока несомненно имел значение миф о затоплении Атлантиды, изложенный в диалогах Платона *"Тимей"* и *"Критий"*¹¹, популярный в начале XX века в связи с возрождением эсхатологических чаяний (см., напр., картину Л. Бакста *"Terror Antiquus"* 1908 г. и посвященную ей статью Вяч. Иванова *"Древний ужас"* того же года). Но особую роль потоп играет в эсхатологических картинах и пророчествах Библии: "... вот поднимаются воды с севера и сделаются наводняющим потоком и потопят землю и все, что наполняет ее, и город и живущих в нем" (Иер. 47, 2); "... и многие воды ... затопят город и стены, и горы и холмы ...; и пройдут безостановочно до Вавилона и сокрушат его" (3-я кн. Ездры 15, 41-43); "Устремилось на Вавилон море; он покрыт множеством волн его" (Иер. 51, 42) и т. п.

Город в драме Блока гибнет под натиском толпы, расшатанной колонны и обрушившей террасу, дворец, статую Короля, под обломками которых погибают люди. Однако незадолго перед этим Шут в рясе священника изрекает пророчество о гибели города под волнами моря: "Страшная кара падет на вас. Море захлестнет безумцев! Свинцовые тучи погребут под собою смятенный город". В природе это пророчество готово исполниться: "Свинцовые тучи бегут по небу"; "Сумерки быстро сгущаются. Рог ветра трубит, пыль клубится, гроза приближается ..."; "Ветер рвет ее черные мелка, мечется в ее волосах. Мрак сгущается"; "Бледная молния"; "Стекло морей разбито ветром! В твоей душе расплеснулось море! (...) Слышим плеск свинцовых волн?"; "Видим, море взмывается в берег?"

Подобно тому, как в библейских текстах буря, гроза, "волны моря" становятся метафорой нашествия врагов или возмущения народа, у Блока с воим взываемейся стихии сливается вой толпы, метафорически отражаясь одно в другом: "Из дальних кварта-

лов, с дальних площадей и улиц несется возрастающий вой прибывающей толпы. Кажется, сама грозовая ночь захлебнулась этим воем, этим свистом бури, всхлипыванием волн, бьющих в берег, в дрожащем, матовом, пресыщенном грозю блеске". И далее: "Он (Поэт) остается один, в непроглядном мраке, между прибором моря и хлынувшей над ним на площадь толпы". Толпа, подобно "волнам моря", захлестывает обезумевший город, и она же его разрушит. Библейский образ потопа в этом его метафорическом значении подготавливает более позднюю мысль Блока о революции как о сокрушительной и очистительной стихии. Под хлынувшими на город волнами народного моря гибнут Дочь Зодчего и Поэт, единственные в этом городе существа, лишённые эгоизма и страха, готовые к высокой жертве и жертвенной любви. Неслучайно именно им раскрывается тайна Отца. Их восхождение к Отцу, воспринимаемое ими как освобождение, логически завершается их гибелью на земле. Зодчий проклинает город, погубивший сына его возлюбленного и другого утешителя - дочь (в евангельской терминологии - Христа и Духа Святого. См., напр., 1-е Посл. Ин. 4, 9; 4, 14; см. также 3-ю кн. Ездры 13, 31; Ин. 14, 16-17), словами библейского проклятия: "... и вот остается дом наш пустым". Этот перифраз пророчества Христа (Матф. 23, 37-38; Лука 13, 34-35), проклинающего нечестивый город, "избивающий пророков камнями и побивающий посланных к нему", "восходит к Ветхому Завету (Иер. 22, 5; 3-я кн. Ездры 1, 33; 15, 49). Опустошение - единственный способ очищения и омоложения мира. Библейская сказка об Ависаге и Давиде (3-я кн. Царств 1, 1-4; 15), к которой отсылает Блок и которой воодушевлена Дочь Зодчего ("Знаю великую книгу о светлой стране, / Где прекрасная дева взомла / На смертное ложе царя / И юность вдохнула в дряхлое сердце!"), становится откликом на слова пророка: "Ибо век потерял свою юность, и времена приближаются к старости ... Сколько будет слабеть век от старости, столько будет умножаться зло для живущих" (3-я кн. Ездры 14, 10; 16).

Очистительный смысл разрушения города раскрывается в заключительном монологе Зодчего: "Но завтра мир будет по-прежнему зелен, и море будет так же спокойно". Гибель всякой цивилизации завершилась торжеством вечной природы, готовой для начала новой жизни. Это как бы земное исполнение Чаянья *нового неба и новой земли*, которые провидел Поэт в своем восторженном экстазе, вдохновленный Дочерью Зодчего: "Я вижу берег новой земли ...". В этом же - выражение идеи *вечного возвращения*.¹² В представлении Блока, круговращение, дурная бесконечность характерны для *страшного мира*, в то время как герой, зрящий Бога, разрывает порочный круг и идет путем восхождения, путем *вочеловечения*. Финал драмы "Король на площади" отчетливо демонстрирует это представление. Образ "мужа восходящего" также вдохновлен библейскими текстами (см., напр., 3-ю кн. Ездры 13, 22), что позволяет идентифицировать героя Блока в заключительной сцене с Сыном Человеческим.

Однако не только библейская апокалиптическая проекция оформливает город в драме Блока. Большое значение для него, как и для русской литературы XIX - начала XX вв. в целом, имеет миф о Петербурге, который, в свою очередь, в литературной традиции соотносится с образом вечного города, - с древним Ри-

мом, библейским Вавилоном, Содомом и Гоморрой (см., напр., в стих. М. В. Ломоносова "Надпись на новое строительство Царского села" (1756), в поэме М. А. Дмитриева "Подводный город" (1847), в новелле "Насмешка мертвеца" из "Русских ночей" В. Ф. Одоевского (1833), в очерке А. И. Герцена "Москва и Петербург" (1842) и др.).

Город, возведенный на болоте титанической волей одного человека ценой попрания национальных святынь и миллионов жизней, изначально проклят ("Быть пусту месту сему") и обречен на исчезновение или катастрофическую гибель.¹³

При всей мифологичности пространства в драме Блока легко узнаваемы очертания Петербурга: мыс, омываемый водой; набережная, спускающаяся к самой воде ступени, скамья внизу у воды; городская площадь, дворец, терраса (отчетливый образ стрелки Васильевского острова с белоколонной биржей Томона); статуя Короля (Истукан); мерцающий за всем этим образ Строителя Чудотворного (Зодчего у Блока). Образ города, как и другие образы Блока, рождается на пересечении вечности и истории, реальности и легенды, непосредственного переживания и древнего воспоминания.

В пророчествах о Петербурге город, рожденный из воды, от воды и погибнет. Мифу Петербурга оказываются созвучными античные и библейские легенды о потопе, о затопленных городах и землях. Блок в соответствии с этими легендами и личным переживанием мифа Петербурга видит исход для проклятой современной цивилизации в гибели от воды. Эта мифологическая проекция оформляет апокалиптическую метафору "Затопили нас воды времен, / И была наша участь многовенна (2, 154).

В драме "Король на площади" нашла выражение близкая Блоку мысль Герцена о том, что печать обреченности Петербурга связана с его революционным происхождением: "... любимое дитя северного великана, ... в котором сосредоточена была энергия и жестокость Конвента 93 года и революционная сила его..."¹⁴ В революционной истории закладки города Герцен видит причину того, что "Петербург поддерживает физически и морально лихорадочное состояние"¹⁵ и порождает новые мятежи и чаянья катастрофической гибели. В картине К. Брюллова "Гибель Помпеи" Герцен усматривает все то же "вдохновение Петербурга".¹⁶ В год работы над драмой Блок приобретает только что вышедшее семитомное собрание сочинений Герцена (Герцен, А. И.: Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной: Т.1 - 7. СПб., Изд. ф. Павленкова, 1905 - обл. 1906) и, по обыкновению, просматривает и читает новые книги. Мысль Герцена о связи города и революции находила подтверждение в самой действительности первой русской революции, которая открыла важнейший из сквозных мотивов Блока, определивший тему и образы поэмы "Двенадцать".

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 АНЦИФЕРОВ, Н. П.: Дума Петербурга. Пг. 1922.
- 2 МИНЦ, З. Г.: Блок и Гоголь. Блоковский сборник 2. Тарту 1972, с. 122-205; МИНЦ, З. Г.: Блок и Достоевский. Достоевский и его время. Л. 1971, с. 217-247.
- 3 ШАХАДАТ, Ш.: Чужое слово в драматургии А. А. Блока. "Король на площади" и "Пришедший" Андрея Белого. Тезисы докладов научной конференции "А. Блок и русский постсимволизм". Тарту 1991, с. 20-26.
- 4 Отсылки к текстам Блока здесь и далее приводятся по изд.: БЛОК, А. А.: Собрание сочинений в 8-ми томах. М.-Л. 1960-1963, с указанием тома и страницы в скобках.
- 5 МИНЦ, З. Г.: Блок и Достоевский. Достоевский и его время. Л. 1971, с. 227.
- 6 ТРИСМЕГИСТОВ, А.: Москва и Петербург. Заметки зеваки. Московский городской листок. 1847, № 88.
- 7 Лейтмотив пыли в лирике Блока исследован в ст.: ПОЦЕПНЯ, Д. М.: О единстве эстетических свойств слова в поэзии и прозе А. Блока. Вопросы стилистики. Межвузовский науч. сб. Вып. 4. Саратов 1972, с. 74-84.
- 8 Блок исследует смыслы этого фольклорного мифа в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (5, 38).
- 9 З. Г. МИНЦ возводит образы "низшей мистики", характерные для блоковского мифа города в произведениях этого времени к народной фантастике, немецким романтикам начала XIX в. и к гоголевским образам "нечисти". См.: МИНЦ, З. Г.: Блок и Гоголь. Блоковский сборник 2, с. 134-135. Демонизацию образа пыли можно обнаружить уже у Брюсова в стих. "Демоны пыли".
- 10 Знаменателен в этом отношении скептический отклик Блока о "Буревестнике" Горького в рецензии на книгу Мирэ "Жизнь" (1905). - (5, 585).
- 11 См. об этом мифе в ст.: АНДРЕЕВ, Ю. В.: Последний миф. АНДРЕЕВ, Ю. В.: Поэзия мифа и проза истории. Л. 1990, с. 177-218.
- 12 О значении мифа о вечном возвращении для Блока и др. символистов см.: МАКСИМОВ, Д. Е.: Поэзия и проза Ал. Блока. Л. 1981, с. 79-101; ИСУПОВ, К. Г.: Историзм Блока и символистская мифология истории. Александр Блок. Исследования и материалы. Л. 1991, с. 3-21; см. также: ЭЛИАДЕ, М.: Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение).; ЭЛИАДЕ, М.: Космос и история. М. 1987.
- 13 О мифе Петербурга и его развитии в русской литературе см.: АНЦИФЕРОВ, Н. П.: "Непостижимый город..." Л. 1991; ДОЛГОПОЛОВ, Л. К.: Миф о Петербурге и его преобразование в начале века.; ДОЛГОПОЛОВ, Л. К.: На рубеже веков. Л. 1985, с. 150-194; ТОПОРОВ, В. Н.: Петербург и Петербургский текст русской литературы. Семiotика города и городской культуры: Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту 1984.
- 14 ГЕРЦЕН, А. И.: Москва и Петербург. ГЕРЦЕН, А. И.: Собр. соч. в 30-ти томах, т. 2. М. 1954, с. 39.
- 15 Там же, с. 41.
- 16 Там же, с. 40.